

Серия
«Скифия: Антология сетевой поэзии»

В полушаге от себя

**ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ
ФРАГМЕНТ**

Скифия
Санкт-Петербург
2013

УДК 82-1
ББК 94.3
В11

В полушаге от себя

В11 В полушаге от себя/ Сост. Шри Нарн Ади Карана, Шри Махадэва Ади Нидана. — СПб.: ИТД «Скифия», 2013. — 424 с. — («Скифия: Антология сетевой поэзии»).

Этой книгой издательство «Скифия» продолжает книжную серию «Скифия: Антология сетевой поэзии». Приглашаем всех современных авторов к участию в отборочных циклах серии. Заявки принимаются по электронной почте **skifiabook@mail.ru**

УДК 82-1
ББК 94.3
В11

ISBN 978-5-00025-015-0

© Коллектив авторов, 2013
© ИТД «Скифия», 2013

Все тексты печатаются в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Дорогой читатель!

Природа человеческого сознания такова, что оно стремится к некоей точке во времени и пространстве, условно называя эту точку идеалом.

Дано нам достичь этой точки? Это должен определить каждый сам. Опыт художественного творчества предоставляет человеку шанс открыть самого себя — опыт сложный, порой — болезненный, но прекрасный. Он позволяет создать тот внутренний мир, или, как сейчас принято говорить, личное креативное пространство, через которое можно выстроить мост, или мостик, или протянуть веревочку, а возможно, всего только ниточку, — к самому себе. Все-таки нужно обладать некоей специфической уверенностью, чтобы, забыв о многих вещах, окунуться в омут творческой реальности.

Образы, слова и фразы — эти сущности становятся друзьями или недругами поэта, и, сталкиваясь лицом к лицу друг с другом, они вовлекают его в вихрь творения миров, без которых форма, чувства и ум не способны существовать.

Перо — Розгами по Бумаге.
Образ — по Нервам, Больно...
Мысли тонут во Влаге
Слез Дождя и Безвольно
Рвутся Струны, как Нити...

Мы собрались здесь, на Белом Поле Магии Стиха, чтобы возжечь Огонь Творчества, объединившего нас, и, дав Ему

вспыхнуть, бросить Его к ногам уважаемого читателя, чтобы тот смог подхватить рассыпавшиеся искры...

*С уважением,
редакторы тома,*

**Шри Нари Ади Карана,
Шри Махадэва Ади Нидана**

Наша серия продолжается! Если вы хотите предложить свои произведения — мы будем рады. Просто вышлите свои произведения с небольшим рассказом о себе по электронному адресу **skifiabook@mail.ru** с пометкой «заявка на участие в антологии сетевой поэзии» — мы обязательно вам ответим!

01

Борис Керен
г. Торонто, Канада

/

Коричневая теница

Борис Керен

О себе

Роговой Борис Юрьевич. Борис Керен — мой литературный псевдоним. Родился я в России в городе Чкалове, но на этом факте моя связь с Россией, к сожалению, заканчивается. Детство и юность прошли в прекрасном и горячо любимом городе Баку.

Долго жил в Молдавии в городе Тирасполе, где прошли мои самые лучшие и не самые лучшие годы жизни. По образованию инженер-электрик.

Последние двадцать лет живу в иммиграции в Торонто. До этого сборника публиковался исключительно в сетевых изданиях, из которых основным считаю Стихи.ру, а любимым, где живу с 2007 года, где сплю, пью и нарушаю общественный порядок, — Общелит.ру.

Фотография моя, но человек, изображенный на ней, похож на меня только внешне. Склонность к стихотворчеству прорезалась в 2007 году. К результатам отношусь трезво и без трепета. Серьезной критике всегда рад, а несерьезной — еще больше.

Люблю жизнь, и она меня любит и прощает многое, поэтому никогда не привлекался и все связи, в которых был замечен, — непорочные.

УМРУ Я НА, А ВОВСЕ НЕ ОТ ОТ

Умру я НА, а вовсе не от ОТ,
на женщине, а не на поле боя.
От ОТ лишь только умирает тот,
кто смерть встречает на коленях стоя.
От водки, от друзей, лекарств, врагов,
от осени, кинжала иноверца
и, вопреки традиции веков,
я не умру от дырки с пулей в сердце.
И от игры сжигающей никак
не умереть, — играл лишь для забавы
и жил, не разжимая я кулак,
умру на женщине, а не от бабы.
Умру, разжав кулак, и в первый раз
себя подставлю смерти для удара,
лицо и прошлое, печали глаз
и, на виду всего земного шара,
я встану на зеленую траву,
плюя на смерть, на шар земной беднягу,
дождусь, когда на небо позовут,
и на могилу ее мертвым лягу.

МНЕ ГОВОРЯТ,
ЧТО СМЫСЛА НА ПЯТАК

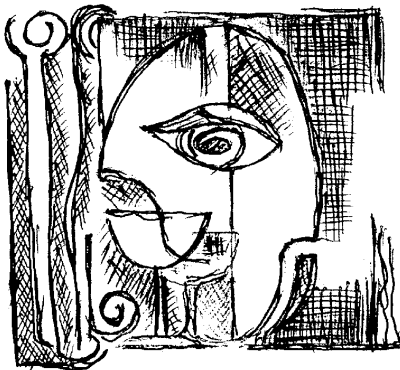
Мне говорят, что смысла на пятак
и между строк он нецензурен,
что не рифмуется «пропах» с «трепак»,
а я не верю, как последний дурень.
Жму руку первым, не жалея сил,
прощайте, в жизни вам обязан многим.
Последних же остаться б попросил,
чтобы не быть безмерно одиноким.

Снег падал вверх — на звезды, на Луну.
Поклявшись в дружбе творческой до гроба,
поэт в душе родился и уснул,
а первый стих лежал, как бомж в сугробе.
«Стране нужны герои! Дураков
рожают бабы!» Не кричал — замерз бы.
Стих падал вверх — на перья облаков,
хрипел... и плакали от смеха звезды!

Коричневая женщина

Стихи слагаются, их смысл двояк,
метафорам и рифмам в строчке тесно!
Они не пьют вино, не пьют коньяк,
им истина на дне не интересна!
Мир рифм открыт любви, душою чист
и только слово открывает дверцу
туда, где падают стихи на лист,
но попадают почему-то в сердце.

Снег падал вверх — на спины облаков.
Шагнул январским и волшебным утром
я в день еще непрожитых веков,
красивый, молодой и самый мудрый.

В ПРЕДРАССВЕТНОЙ ЛИПКОЙ ТИШИНЕ

В предраассветной липкой тишине
старый день курил и кашлял До,
в небесах на самом, самом дне
просыпалось утро. Полувздох,
замерзая под дыханьем звезд,
прижимался робко к ноте Ре,
как бездомный, одинокий пес,
мордой к теплой суке во дворе.

«На рассвете мелок чуткий сон» —
это все придумано людьми,
не разбудит колокольный звон,
если не берет он ноту Ми
и не бьет, а гладит ноту Фа,
уступая страсть будить струне,
там, где под пером кричит строфа
в непрозрачной душной тишине.

Тишина лежит обнажена,
мертвая, с распущенной косой,

Коричневая женщина

улыбается, но не она
исцеляет раны. Ноту Соль
жизнь поет, врачуя скорбь миров.
Выжил лишь один из них — Земля.
Соль, дарю тебе букет ветров
и на бис бросаю розы Ля.

В первозданной тишине с утра
не заметила Земля оси
сдвиг и стук. Стучит из-под ребра
жизнь по клавишам от До до Си.

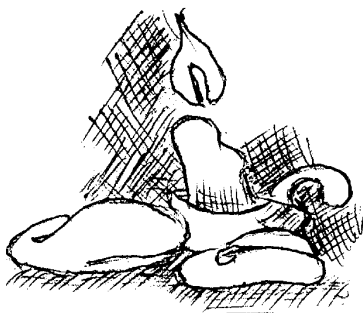

НИКУДА ОТ РЕЧКИ НЕ ДЕТЬСЯ

Никуда от речки не деться,
не заменит горе печаль.
Держит речку Черную сердце
и стучит волной о причал.
Обмелела старая речка,
перешел на шаг ее бег,
там катилось дыма колечко
и колени падали в снег.
Никуда не деться от речки.
Будет день, но будет ли сыть,
если б смог под дулом отречься
и в затылке с пулей прожить?
Загустела Черная речка
и свернулась, как кровь. И вмиг —
безутешный горький плач свечи
растревожил ветер и в крик!
Надрывая горло, охрипнет, —
ветер стар. В конце же концов
успокоит свечи без крика
медный век, им плюнув в лицо.
Как наивна и невесома

Коричневая теница

утром ночи светлая грусть,
оказалось, — пуля несомая,
пистолет не нужен был. Пусть
все творилось в рамках традиций,
их на всем лежала печать.
Да, безбожным можно родиться,
но нельзя без веры зачать!
Ни Вселенную, ни ребенка,
ни стихи, — нельзя ничего,
здесь на речке не погребенным
бог распят и вера в него...

Борис Керен

РОСЛИ МОГИЛЫ НА МАСЛИЧНОЙ

Росли могилы на Масличной
очередями в небо длинными,
сажал их Бог несимметрично —
в Рай не лицом, но в Ад не спинами.
Писал мечом нам Рим законы
и не снимал, молясь, сандалии.
Костры горели легионов, —
в них Иудея и так далее.

Растут могилы на Масличной
очередями в небо длинными,
но Богу будет безразлично,
и отсекут главу повинною,
когда, презрев отцов законы,
могилы мы врагам отдали бы,
как те, что срыты в Вавилоне,
Египте, Польше и так далее.

Растут могилы на Масличной
очередями преддлинными
и сравниваются цинично
с не выросшими под Треблинкою.
Нам в Книге писаны законы,
могилы — наше оправдание,
а не кресты, посты, иконы,
мечети, Мекка и так далее.

ОТБРАСЫВАЯ ТЕНЬ
НА ОБЛАКА

Отбрасывая тень на облака,
вращаясь в радугу корнями,
воображение росло, пока
плескалось слово в капле. Днями
кроило рифму — примерял в строку,
чтоб рифмовалась по фигуре,
чтобы понятно было дураку
и нравилось последней дуре.

Уставши, ближе к ночи, чем к утру,
писали: «Грудь рукам покорна,
но любит...»

— К «силу» хочешь, подберу
я рифму, — не руби мне корни.
Не докучая просьбами Творцу, —
он слаб, — задам вопрос цезуре,
чтоб непонятно было мудрецу,
но нравилось последней дуре.

ВООБРАЖЕНИЯ НАПАСТИ

Воображения напасти
диктуют часто чепуху,
в озера слов забросив снасти,
из рифм к «топор» варил уху,
а ночью из несчастий невод,
в полгоризонта шириной,
забросил. Вытянул, но в небо
все звезды выпустил. Иной
улов я ждал, — бутылку рома,
от Рыбки Золотой привет...
Клюющую Луну ворону
поймал, ей было триста лет.
Луна бледнела и дрожала
и взглядом мерила косым
путь от Земли до звезд, но жалость
внушал вороне только сыр.
О сыре, о Луне ль вороне
жалеть? Я лишь сказать хотел:
«Фантазий пьяные синдромы
пьют дух больной здоровых тел».
Воображение и страсти
диктуют часто чепуху,
но хуже нет от них напасти,
чем в слове «пес» искать блоху.

КРАСНАЯ КОРОВА

Рассвет проснулся в капельке росы,
берез расцеловал ладошки.
Вдали в лугах, на крае полосы,
Заря ждала, крест-на-крест ножи
скрестив, и зла была. Не на беду
нашла упавшую, но между
ресницами застрявшую Звезду —
спала девчонка без одежды,
дрожа от холода. Свой буйный нрав
горячая Заря уняла,
сон досмотреть Звезде, упасть не дав,
дала, согрев под одеялом.

Ныряли в ласковую пыль,
топтали пятки в лес дорогу.
Ласкали ветры травушку-ковыль,
ломали, гнули недотрогу.
В удачи символ — месяца овал,
взгляд упирая, на планету
корову красную мальчишка гнал,
шепча под нос слова к сонету.
Плыл в молоке тумана силуэт,
Заря ковала круг в подкову.
Об этом и о том босой поэт
стихи слагал и пас корову.

ЗА ТО, ЧТО КЛАССИКА КЛЕВРЕТОВ

За то, что классика клеветов
пинал и бронзовый сорвал венец,
вставал на плечи табурета
под бой пустых, как барабан, сердец
поэт непонятый. Мгновенья,
которые учили понимать
умом чужим, их внутривенно
ему колола школьная тетрадь.
Ловила в клетку цифры, буквы
и с неба помогала красть горшки,
их кровью наполнять из клюквы,
чертям на радость, Б-гу вопреки.
Плюя на критики оскалы,
клише и штампы воскресали вновь
и рифма и любовь мужская
дразнили дам, стирая грифель в кровь.
А если со всего размаха,
закрыв глаза на прозы нудный плач,
ударит вдохновенье, плаха
лишь слышала такое, но палач...
едва. Вдвоем — поэт и слово,

Коричневая тонщина

на шар усевшись в дальнем уголке,
друг с другом шепчутся на новом,
в плен взятом в звездных войнах языке.
Исписан шар, как по бумажке,
планету разворачивая вспять,
накрыв полмира промокашкой,
готов поэт себя на шар распять.
Созвездье встретив Водолея,
под струи шар вкатился — будет чист.
Поэт, ботинки не жалея,
бежит по лужам, брызгая на лист.

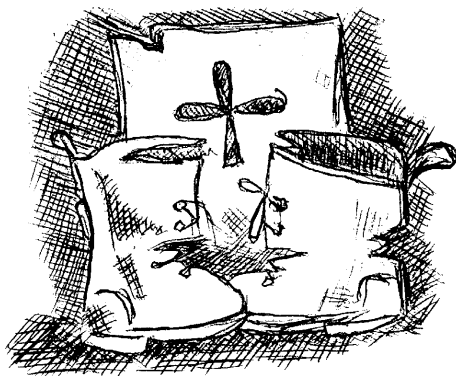
ЛЕЖАЛ В ГОСТИНИЦЕ

Лежал в гостинице который день,
бег тараканов вдоль по стенке,
на солнце греясь, созерцала тень,
размазанная на оттенки.
За дверью тонкий аромат от дам,
опережая громкий хохот,
бил кулаком в лицо с размаху хам
под звон стекла и шпилек цокот.
Со стенки «Правила» по пунктам в ряд:
«Ни дружат здесь с вином и водкой
и на кровать окурков ни сарят!»,
но слышно — льют за стенкой в глотку.
Вбит хулиганом желтый кляп газет
в рот унитаза. В туалете
стихи ваял из дерева поэт,
ножом, и пальцем матом — дети.
Сидел в гостинице, а выйти лень,
играл комедию, как драму.
В игре все козыри держала тень,
мой туз крестовый лег под даму.
Поставив жизнь ненужную на кон,
и, сэкономив трехрублевку,

Коричневая женщина

сгубила жадность фраера. Закон
один для всех — крючок с веревкой.

Цвела черемуха. Тень босиком,
встав, сапоги мои обула,
со стенки прыгнув, подняла пинком,
но не нашла дорогу к стулу.

ОСЕНЬ

Свирепый ветер не жалел хлыста.
Худая осень, слушая ночами
удары, мерзла. Ветер холода
сажал на цепь. Забрызгана грачами,
ждала зима, а летние грехи
все не смывались — думал, заморожу
татуировками и от сохи
художник пьяный грех колот на кожу.
Цеплялось лето августом за нос,
продлить пытаюсь радости простые.
Сухой октябрь не замечал прогноз, —
горел, сжигая в прошлое мосты, и
летел и падал журавлиный крик,
ответить криком мне хотелось тоже
и в этот дивный бесконечный миг
зима теплой казалась и моложе.
Закрыв глаза за стеклами очков,
вливая в глотку кофеина дозу,
я осень целовал в строке стихов
и лгал зиме, переходя на прозу.

БАБОЧКА

Лета дни под ночь ложатся молча.
Юбки лижут пятки у ступней.
Все длиннее зубы в стае волчьей,
но короче жизнь у слабых в ней.
В стаю дети собирались где-то.
Пьяные вставали на дыбы.
Воровала осень жизнь у лета
на глазах танцующей толпы.
Тихим вечером в толпу ныряя,
огибала пьяных, как столбы,
выплывала в стиле баттерфляя
и любила розы за шипы,
не жалела стрел, конфеткой тая,
крылья потеряв, сев на метлу,
утром бабочка вернулась в стаю
и упала грудью на иглу.

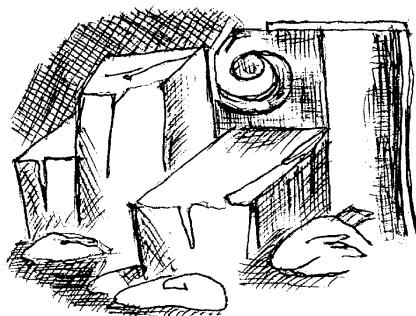
КОРИЧНЕВАЯ ЖЕНЩИНА

Снится мне...
коричневую женщину
распинают на воротах ада,
как у Бога на ладонях трещины
с кровью сладкой вкуса шоколада.
Ходят жертвы и акулы парами
в море рыжем цвета апельсина,
а с маэстро мы втроем под парусом
вниз скользим по крышке клавесина.
Но попытка разогнать по клавишам
лимфу крови за предел крещендо
(рев ослицы оценить осла ушам
было б легче) оказалась тщетной.
В волн восторженных рукоплескании
утонуло тоненькое скерцо.
Красота нагая режет скальпелем,
полоснув и автора по сердцу.
Да, она убийца и спасение,
страшная шальная плоти сила,
пластика лица души осенняя
и бессилья седины могила.

Коричневая женщина

Осень кружится в дымину пьяная,
подхватил и с полуоборота
в две руки ее на фортепьяно я,
начиная с самой верхней ноты,
обнажил беспомощно-одетое,
что зовется грудью нежной пылкой...
помню — пробовал бабенку где-то я,
в правой нож держал, а в левой вилку.

Сны одолевают сплошь безумные
по ночам вытаптывают память,
заговаривают суки зубы мне,
полушария пытаюсь спарить
наши...
Но, коричневая женщина,
я ведь тоже в белого играю,
если хочешь, скажем Богу: «Венчаны»,
когда спросит у калитки рая.

УСТАВ ОТ ВОДКИ

Устав от водки и икры, Берлина,
От тяжести улыбки, возраста угроз,
Забыв надеть пуанты, балерина
Танцует на осколках пьяных роз.

А он не Лель уже — с потухшим взором,
С трудом взирал на некрасивые цветы
И выбирал — «укором» иль «позором»
Зарифмовать танцовщицы черты.

Ответить было трудно не стихами,
Но голову обняв, о кудри обожглась.
Ей легче было говорить ногами,
Нагою плавая в озерах глаз.

Лилось вино, но мимо рта на скатерть.
В пустом кармане отзывалась эхом медь.
Стучалось робко в двери слово «паперть»,
Но в «Англетер» уже вселилась смерть.

ПОПЫТКА УБИТЬ ВЕРЛИБР

Не стала надевать той ночью,
любовь моя, ты опыта одежды,
поймав мгновение сачком надежды,
глотали губы сладкий выдох.
Тянулся, лился струйкой поцелуй,
сжигая все, что было до тебя.
Слеза смывала тушь и грусть невольно
царапала мое лицо не больно.
Смеялась ты, и дрожь с ресниц взлетала.
Удары крыльев пугали тишину.
Язык молчал, неистово лаская,
и грудь стонала громко, как живая.
Мгновенье робко билось в кулаке,
его держала до хруста в пальцах.
Восторг рыдал от сладости и боли
и гасла плоти стойкой сила воли.
Как стайка рыбок пульс пуглив,
легла в ладони упругость бедер
и тянет тетиву, в дугу сгибаю, страсть.

ДУША, ПИШИ МНЕ НА ЗАБОРЕ

Листая «Темные аллеи»
и видя женщин между строк,
Душа, я плоть твою лелеял,
беря у классика урок.
Пусть в пирамиде ждет гробница,
грозит бессмертьем мавзолей,
но не с кем, не с кем там напиться!
Там нет врагов и нет друзей.
В кремлевском лучше подзаборье —
фужер царю, стакан для слуг,
на радость или, может, горе,
собакам, жравшим мясо с рук.
Я весь, моя голубка, в крови
иллюзий мертвых после драк.
Кулак всегда был другом, кроме
когда сражался в юбке враг.
Тогда сдавался в плен без боя
и губы подставлял под грудь,
прощался, Душенька, с тобой я
и отправлялись руки в путь.
Вверх по горам, ложбинкой к полю,

Коричневая женщина

к плечу, к бедру, к шипам без роз.
Не помню лиц, имен не помню,
лишь запах кожи и волос.
С лица содрать несложно маску,
вложить труднее в письмоце,
веселую добавив краску
на скорбный лик, души лицо.
По лбу рассыпать песен ноты
на тонких линиях морщин,
ответить всем, за что и кто ты
и даты драк и годовщин.
Я ошибался в слове «горе»,
любил, не чая в нем души.
Душа! Пиши мне на заборе.
Скучаю по тебе, пиши!

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Боясь себя в себе и пряча взгляд,
бросаю в прошлое каменья,
где на зубах секундами скрепит
часы и сыпятся мгновенья
песком сквозь пальцы. Старые пусты
часы, в кулак зажал и время
схватил за горло и развел мосты,
реинкарнировав в апреле.
Постель в садах стелила трын-трава
и жизнь не утомляла печень,
а осень — не убил ее едва —
грозила листопадом вечным,
пугала алым, — было бы смешно.
Дух жив, не умер от успеха!
Он выжил и тогда — давным-давно,
пытаясь умереть от смеха.
Был месяц май двенадцать раз в году
и на лице кривлялись маски.
Деревья только родились в саду
и «жили-были» рядом сказки.
Песочные часы еще идут, —
зажал в кулак песка остатки,
и маятника сила амплитуд
крепчает с каждым годом в схватке
песка и пальцев. Сыпятся минут
пустыни струйкою часами.
Не бьют песочные часы и лгут
кукушки в полдень себе сами.

СОН

Подставив враз с болтливою виною
стакан под истину, чтоб не текло,
молитва увлажняет глаз и ноет,
и капает в граненое стекло.
В гортань забитую мольбы словами
лилась вина. От страха опьянев,
забыв молитву, нежно целовал и
сухой стакан, и губы мокрых дев.
Пробив «прости» и полоснув по горлу,
на стены сердца бросилась вина.
Стать миокардом сердцу не зазорно,
но стыдно пьяным сдаться без вина.
И вдруг, наполненный по край виною,
с утопленницей истиной на дне,
стакан влил кружку коньяка «парного»
и прошептал мне в полупьяном сне:
«Продеть в иголку, взяв за горло нитку,
бывает легче после третьих ста,
чем целовать, шепча слова молитвы,
пустой стакан в граненые уста».

БЫЛА ЛИ ВЕТКОЮ БЕРЕЗЫ

Была ли веткою березы,
которая ласкала мне лицо?
Иль это были только грезы, —
от дыма сигаретного кольцо?
Духи коснулись на прощанье,
каблук с усмешкой отбивал в паркет:
«Прощай, мой мальчик, до свиданья,
нет, нет, нет, нет ... нет, нет, нет, нет ... нет, нет».
Вот уронила цепь дверную,
замок щелчком послал патрон в затвор.
Ты не прикрыла дверь входную, —
сквозняк завыл, читая приговор.
Вставать? Какое поруганье —
опять судьбой приговорен я жить.
Господь, ты мог бы за старанье
мне жизни срок пожизненный скостить.
Ждет утро, зеркало в помаде,
рычит, хохочет старый унитаз.
Ночь прячет в туч пугливом стаде
слепой, бельмовый, лунный белый глаз.
Была ли веткою березы,
которая ласкала мне лицо?
Я запер в шкаф ночные грезы
и вышел на морозное крыльцо.

ЛЮБЛЮ Я СТРИЖЕННЫХ БЛОНДИНОК

Люблю я стриженных блондинок,
Их взгляд убийцы-маньяка,
Их губы с бисером икринок
И пьяным вкусом коньяка.
Дойти туда, но лишь глазами,
Где в путь отправится рука,
Вдохнуть и разорвать зубами
Прозрачность черного чулка.

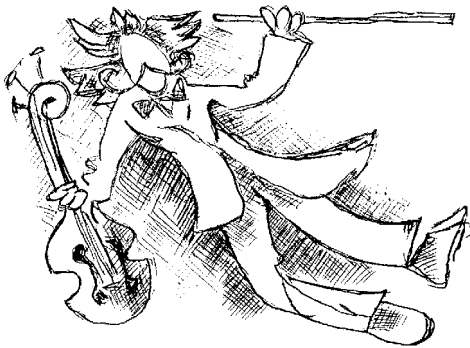
Сгореть в метель, упав губами
На кожу белую, как лед.
Два сердца — в кровь, в друг друга — лбами,
Но лишь моя на снег течет.

Люблю я стриженных блондинок,
Когда, сказав — Прощай. Пока,
В упор стреляет мне в затылок
Их взгляд убийцы-маньяка.

ДАЛИ ШАГАЛ

Парит скрипач, зажавши скрипку в кулачок,
хмельной смычок, местечко спит, поет Луны
проплаканные в тучу сны. Зевал пастух,
кричал петух, вины не чувствуя, был глух.
Шагнул Дали, вонзил клинок и из Луны
течет вино на дно небесного холста
в созвездье Пьяные Уста. Дали шагал,
шагал, шагал, сливая звездочки в бокал.

02

Елена Крамонова

г. Тула

/

Норма для иноходца

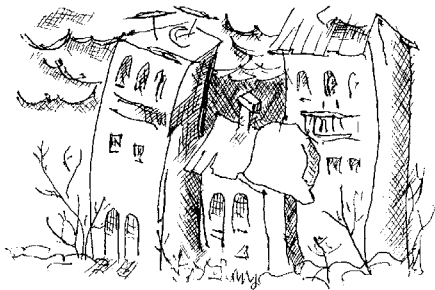
Елена Протонова

О себе

*Я собираю камни дней —
Их накопилось слишком много,
И каждый камень повзрослеет
Не сразу, а спустя три года.
Закрыт Вокзал Осенней дали —
Я тихим ужасом объята,
Промозглые глаза печали
С ума свели...*

ПРЕДПРАЗДНИЧНОЕ ОДИЧАНИЕ ЗИМЫ

Глубокое одичание Зимы
Кукожась от бесновато-едкого холода,
Забыв шуршание рыжей Осени,
Швы вывернув наизнанку стылого города,
Немеет и бледнеет, и пыжится,
Хрустит разбитым хрусталем на каменном полу.
Под явно капризным взглядом хозяйки,
В комок сжимается и превращается в золу.
Предпраздничная суета — вымотала
До крайнего предела нервы и даже выше,
Зажав в кулак смертельно-резкой хваткой.
Ликуя громко, дыханья праздника не слыша,
Движения не чую стен негибких,
Рассохшихся от злобы и смены настроенья
Зима задумчиво молчит под снегом —
Под взглядом неумолкаемого возбужденья.

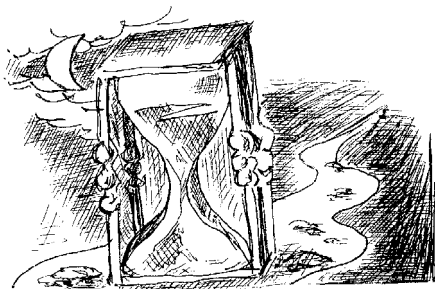

РАБОТАЮ РОЛЬ

Вечер в сумерках выглядит на пятьдесят,
Могу же работать — Непроглядную Ночь.
Мысли по городу верткому колятся,
И я погнаться за ними — совсем не прочь.

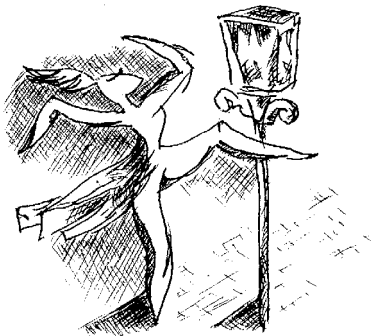
Ночь переходит за Семьдесят Пять плюс хандра,
Пьет валерьянку и корвалол в придачу,
Смотрит презрительно, слушает скрип одра...
Я на дерьмо драгоценное время трачу.

Утро, — и снова — родимые, Двадцать Пять!
Время шагнуло назад, и я — вдогонку,
Мне бы у юности снова червонец занять —
Не потеряв в стоге сена жизни иголку.

ТЕНЬ ФОНАРЯ

Вползает тень от фонаря — ночь заступила
На вахту сутки — через два. Дверь затворила,
Подкинув мысленный совет — пиши сонеты.
Слежу за следом фонаря и строк брикеты
Наводят мысли на досуг — балетный танец
Меня влечет в свободный круг. Огнем румянец,
Движенья плавные нежны и вдохновенны
И тело собрано в бутон — жизнь неразменна.
Ночи индиго в синеве прозрачных строчек
Рисует жирно на стене цветка росточек,
Вживляя — круглые глаза, нос заостренный
И тело гибкого листа — вид обнаженный.
Во все глаза смотрю за ним и, изумляясь,
Схватив планшет, пишу стихи, не отвлекаясь
На прозу дня и суету, глаза зажмуривав...
Толкает тень меня в плечо — пойдем, покурим!

**Конец ознакомительного фрагмента.
Полную версию книги можно купить
на сайте издательства
www.skifiabook.ru**

Содержание

Вступительное слово	3
Борис Керен	5
Елена Прамонова	35
Владимир Бабуров	57
Илья Бондаренко	85
Александр Ратнер	115
Юрий Краснов	143
Андрей Лав-Марков	171
Виктория Черевко	183
Де Огр	197
Татьяна Краснова	221
Валерий Тытенко	239
Мария Бондаренко	255
Надежда Денисова	271
Сергей Грызлов	285
Ксения Порошина	305
Марина Андреева	331
Эллионора Леончик	347
Шри Нариди Адикарана	373
Шри Махадэва Адидана	389

В полушаге от себя

Редакторы тома	<i>Шри Нари Ади Карана Шри Махадэва Ади Нидана</i>
Корректор	<i>Татьяна Брылёва</i>
Дизайн оформления серии	<i>Андрей Краснопёров</i>
Оригинал-макет	<i>Павел Домбровский</i>
Художники	<i>Шри Нари Ади Карана Шри Махадэва Ади Нидана</i>
Главный редактор издательства	<i>Игорь Знаешев</i>

Книги: от рукописи до тиража
изготовление и распространение
e-mail: skifiabook@mail.ru
www.skifiabook.ru

Издательско-Торговый Дом «Скифия»
190000, Санкт-Петербург, ул. Гороховая, 25
(812) 571-68-54
e-mail: skifiabook@mail.ru
www.musbooks.ru

Возрастная категория 6+
Подписано в печать 22.07.13
Формат 70x108 1/32. Объем 18,3 усл. печ. л. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Контраст»
192007, Санкт-Петербург, ул. Воронежская, д. 27.